

18+

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА

*То, что кажется
реальным —
иногда лишь
иллюзия...*

ИЛЛЮЗИЯ

РОМАН

АВТОР — MR. ALEKS

Aleks Mr

Иллюзия

<https://litres.ru/74290903>

ISBN 9785007079211

Аннотация

Артём Ветров мечтает о любви, семье и новой жизни. В небольшой станице он встречает Валерию — женщину, которая становится для него надеждой на счастье. Но чувства сталкиваются с ревностью, страхами, сплетнями и чужим влиянием.

«Иллюзия» — психологическая драма о любви, доверии и грани между реальностью и тем, что мы создаём в своей голове.

Содержание

Введение	7
Глава 1. Голоса	12
Глава 2. Кактус с душой ромашки	25
Глава 3. Судьба или совпадение	37
Глава 4. Цена человека	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Иллюзия

Aleks Mr

© Aleks Mr, 2026

ISBN 978-5-0070-7921-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА

*То, что кажется
реальным —
иногда лишь
иллюзия...*

ИЛЛЮЗИЯ

РОМАН

Введение

Что такое любовь?

Этот вопрос, словно тихий шёпот, время от времени звучит в душе каждого человека — и в юности, когда сердце бьётся чаще от одного взгляда, и в зрелости, когда за каждым «люблю» уже прячется целая история прожитых лет. Для одних любовь — это счастье, ослепительное, как первый луч солнца после долгой тёмной ночи. Для других — тяжёлое испытание, проверка на прочность, где каждое слово может стать и спасением, и ударом. Для третьих — самая большая ошибка в жизни, горькое признание того, что чувства завели не туда, куда хотелось идти.

Но порой любовь становится не просто чувством, а настоящим зеркалом, в котором отражается вся человеческая душа — без прикрас и без лжи. В этом зеркале человек видит не только свои надежды и мечты, но и самые потаённые страхи, свои слабости, которые он привык прятать даже от самого себя. Любовь обнажает иллюзии — те самые, что годами складывались в уютный, но хрупкий мир представлений о себе и о других. И именно в этом её великая сила и великая опасность: она заставляет смотреть правде в глаза, даже если эта правда ранит.

Эта история не о злодеях и героях, не о чёрно-белом мире, где всё чётко поделено на «правильно» и «неправильно».

Она не о том, кто прав, а кто виноват, не о противостоянии мужчин и женщин, не о битве характеров ради торжества одной стороны над другой. Это история о живых людях — о тех, кто любил так, как умел, опираясь на свой опыт, свои страхи и свои представления о том, какой должна быть настоящая любовь. О тех, кто ошибался так, как мог, потому что никто не рождается с инструкцией, как не причинять боль тем, кто дорог. И о тех, кто порой разрушал то, что боялся потерять больше всего на свете, — не из жестокости, а из отчаяния, из желания удержать ускользающее, схватить то, что по самой своей природе не может быть заперто в клетку.

Главный герой романа — Артём Ветров. С самого детства он привык бороться до конца, не сдаваться там, где другие опускали руки, искать выход там, где казалось, что выхода нет. Он был из тех людей, которые верят: любую проблему можно решить, если приложить достаточно усилий, если не терять самообладания и идти вперёд, шаг за шагом, даже если дорога покрыта трещинами и усыпана осколками разбитых надежд. Для Артёма не существовало слова «невозможно» — только «ещё не получилось».

Но жизнь приготовила для него урок, к которому невозможно подготовиться заранее, как нельзя выучить наизусть непредсказуемость судьбы. Этот урок был не про силу и упорство, а про границы человеческого контроля. Про то, что не всё в этом мире можно удержать железной волей, не

всё можно исправить, собравшись с духом и мобилизовав все внутренние ресурсы. И самое трудное — про то, что не всякая правда делает человека счастливее: иногда горькое знание разрушает то хрупкое равновесие, которое человек с таким трудом выстраивал годами.

В этом романе будут любовь и предательство — не как абстрактные противоположности, а как переплетённые, порой неотделимые друг от друга стороны человеческих отношений. Будут надежда и разочарование, которые часто ходят рука об руку: надежда даёт силы двигаться вперёд, а разочарование учит видеть мир без розовых очков. Будут слухи и правда — две силы, которые в замкнутом пространстве станицы способны менять судьбы, исказить воспоминания и превращать обычные слова в оружие. Будут ангелы и демоны — но не спешите воспринимать их буквально, как фигуры из мифов или религиозных сюжетов. Порой самый страшный демон живёт внутри нас самих: это наши невысказанные обиды, наши страхи, наша гордыня, наше нежелание признать собственную уязвимость. А самый мудрый ангел появляется лишь тогда, когда мы наконец готовы услышать тихий голос интуиции, совести или простого человеческого сочувствия — голос, который долго заглушали шум собственных мыслей и желание быть правыми любой ценой.

Возможно, читая эту книгу, вы увидите в героях кого-то из своих знакомых — того самого друга, который годами не может отпустить старые обиды, или родственницу, которая

жертвует собой ради семьи, не замечая, как постепенно исчезает её собственное «я». Возможно, вы узнаете в них себя — в каком-то поступке, в какой-то мысли, в той самой минуте, когда хотелось сказать важное, но слова застревали в горле. А возможно, эта история поможет вам понять то, что долгое время не удавалось осознать в собственной жизни: где заканчивается реальность и начинаются ваши собственные иллюзии, где заканчивается забота и начинается контроль, где заканчивается верность и начинается страх перемен.

И если после последней страницы вы хотя бы на минуту задумаетесь над этими вопросами, если в вашей душе шевельнётся что-то давно уснувшее — сомнение, надежда, прощение или просто желание посмотреть на близкого человека чуть внимательнее, чуть добрее, — значит, эта история была рассказана не зря.

Добро пожаловать в Молву — станицу, где слухи живут дольше людей, где сплетни передаются из уст в уста, обрстая новыми деталями, пока от изначальной правды не остаётся лишь тень. Здесь правда постоянно меняет лицо: сегодня она звучит одним голосом, завтра — другим, а послезавтра её уже не отличить от вымысла. В этом месте прошлое не отпускает, а каждый поступок отзывается эхом в судьбах многих.

Именно здесь, в Молве, одна история любви навсегда изменила жизнь человека по имени Артём Ветров. Она перекроила его представления о себе, о близких, о том, что зна-

чит быть сильным и что значит быть слабым. Она научила его тому, чего не найти ни в одной книге: принимать не только победы, но и поражения, не только свет, но и тень, не только тех, кто любит его, но и тех, кто причиняет боль — потому что и в этом тоже есть своя, пусть и горькая, правда жизни.

Глава 1. Голоса

До переезда в Краснодарский край я был уверен, что знаю свою профессию до мельчайших деталей — будто выучил её не по учебникам, а прочувствовал каждой клеткой. Три года в недвижимости научили меня многому: я умел находить клиентов там, где другие проходили мимо, не замечая возможностей; умел вести переговоры так, чтобы собеседник сам приходил к нужному мне решению, почти не ощущая давления; умел продавать не просто квадратные метры, а целую картину будущей счастливой жизни. Среди коллег меня считали сильным специалистом — со мной советовались, ко мне подходили за советом, даже те, кто работал в отрасли куда дольше меня. А по отзывам клиентов я и вовсе был одним из лучших: в почте до сих пор хранились письма с благодарностями, в мессенджерах — сообщения вроде «Спасибо, ты буквально спас нам жизнь», и я искренне верил, что это не просто слова.

Я верил, что успех — вопрос времени, что стоит лишь чуть-чуть поднажать, ещё немного потерпеть, ещё немного подождать, и всё наконец сложится в идеальную мозаику. Оставалось только немного дожать — и рынок сам ляжет к ногам. В те дни я даже не допускал мысли, что может быть иначе.

Но жизнь почему-то решила иначе.

После переезда всё пошло не по плану, рассыпаясь на глазах, как непрочный чертёж под порывом ветра. Рынок оказался другим — не просто отличающимся, а будто выстроенным по совершенно иным законам. Люди оказались другими: здесь не срабатывали привычные интонации, не цепляли отработанные фразы, не вызывали доверия те аргументы, которые раньше безотказно закрывали сделки. Даже сами сделки выглядели иначе: в них было меньше эмоций, больше прагматизма, и этот холодный расчёт сбивал меня с толку. Схема, которая годами приносила мне клиентов, здесь не работала — она словно потеряла силу, как старый ключ, который больше не подходит к замку.

Я пытался адаптироваться. Пытался учиться заново, будто вернулся на первый курс и ничего не знал. Я изучал местный рынок, ездил по районам, разговаривал с людьми, наблюдал, как работают другие агенты, записывал чужие приёмы, пробовал их на себе. Пытался снова встать на ноги, шаг за шагом, но каждый новый месяц съедал последние деньги, как голодный зверь, не оставляя даже крох.

Чтобы работать по-новому, нужны были вложения: реклама, продвижение, возможно, даже небольшой офис или хотя

бы достойное рабочее место. Чтобы вложиться, нужны были деньги. Чтобы заработать деньги, нужны были клиенты. А клиентов не было. Это был замкнутый круг, безжалостный и неумолимый, как беговая дорожка, которая разгоняется всё быстрее, а ты не можешь с неё сойти.

В какой-то момент мне пришлось признать поражение. Сказать «я увольняюсь» было проще, чем пережить это внутри, где каждое слово отдавалось глухой болью. Тридцать четыре года. Бывший успешный риелтор, который ещё недавно гордился своими результатами, а теперь складывал вещи в коробку и старался не смотреть коллегам в глаза. И строительная каска на голове — новая реальность, жёсткая и неудобная, как плохо подогнанная броня.

Каждое утро я ехал на стройку и говорил себе, что это временно. Что я обязательно вернусь в свою профессию, что всё ещё впереди, что это просто пауза, необходимая, чтобы набраться сил. Но дни складывались в недели, недели — в месяцы, а жизнь будто стояла на месте, застыв в одной унылой точке. Зарплаты едва хватало на аренду комнаты и продукты: я научился считать копейки, выбирать самое дешёвое, откладывать даже небольшие суммы, но они таяли быстрее, чем успевали накопиться. О больших целях приходилось только мечтать, пряча эти мечты подальше, чтобы не берeditь душу.

По вечерам я лежал на кровати и смотрел в потолок, изучая каждую трещину, каждую неровность, словно в них был зашифрован ответ на все вопросы. Иногда представлял собственный дом — небольшой, уютный, с зелёным двором, где можно посидеть в тишине, послушать птиц, почувствовать, что ты наконец дома. Иногда представлял машину — не роскошную, не блестящую, не ту, что привлекает взгляды, а просто свою, надёжную, на которой можно уехать куда угодно, если вдруг захочется перемен.

Иногда представлял женщину, которая будет ждать меня дома, не с упрёком и усталостью, а с теплом и пониманием. Жену. Детей. Семью. Ту жизнь, которую я почему-то никак не мог догнать, будто она всегда была на шаг впереди, дразня своей близостью.

А ещё я мечтал стать миллионером. Не ради денег, не ради статуса и не ради того, чтобы кому-то что-то доказать. Ради свободы. Ради того, чтобы однажды проснуться и перестать считать каждую копейку, чтобы иметь возможность выбирать, а не соглашаться на то, что есть. Но мечты оставались мечтами, лёгкими и хрупкими, как мыльные пузыри, а реальность оставалась реальностью — тяжёлой, грубой, настоящей. И с каждым днём разница между ними становилась всё больше, разъедаая изнутри, как соль на открытой ра-

не.

Двадцать седьмое августа выдалось особенно жарким — таким, когда воздух кажется не просто тёплым, а почти раскалённым, будто сам мир решил проверить людей на прочность. Солнце висело над стройкой, словно огромный раскалённый прожектор, безжалостно выжигая всё живое. Воздух дрожал над бетонными плитами, искажая очертания предметов, превращая реальность в зыбкое марево. Пыль липла к коже, забивалась в поры, оседала на ресницах, смешивалась с потом, образуя на теле неприятную корку. Футболка давно промокла и прилипла к спине, каждый шаг давался с усилием, а воздух казался густым, почти вязким.

Я устал. Не физически — к физической усталости я привык, она была понятной, предсказуемой, её можно было измерить количеством отработанных часов и тяжестью инструментов. Я устал внутри, там, где прячется надежда, где живут мечты и где ещё теплится вера в лучшее. Эта усталость была глубже, тяжелее, она сковывала движения, делала слова пустыми, а мысли — медленными и тягучими.

Начальник кричал с самого утра, и его голос, резкий и требовательный, разносился по площадке, перекрывая даже гул техники. Кто-то неправильно выгрузил материалы, и теперь они лежали не там, где должны были, создавая хаос и лиш-

ние проблемы. Кто-то не успел закончить работу, и сроки, и без того сжатые, стали ещё жёстче. Кто-то что-то потерял, и эта потеря, возможно незначительная сама по себе, стала последней каплей. И виноваты были все. Включая меня.

Я молча копал траншею, чувствуя, как лопата становится продолжением руки, как земля поддаётся с неохотой, как каждый взмах отнимает силы. Сжимал черенок до побеления костяшек, смотрел в землю, в эту тёмную, плотную массу, и пытался не думать. Пытался загнать все мысли в дальний угол сознания, чтобы они не мешали делать самое простое — работать. Но именно тогда я услышал первый голос.

— Тридцать четыре года...

Звук был таким отчётливым, что я замер на полудвижении, лопата повисла в воздухе, а сердце пропустило удар. Я обернулся, быстро, резко, будто ожидал увидеть кого-то прямо за спиной. Рядом никого не было. Только рабочие, занятые своим делом, только техника, мерно гудевшая где-то вдалеке, только жара, которая, казалось, поглощала все звуки, кроме криков начальника. Я снова опустил лопату, воткнул её в землю, стараясь убедить себя, что мне показалось, что это был просто отголосок чьего-то разговора, искажённый зноем и усталостью.

— Тридцать четыре года, Артём...

На этот раз голос прозвучал ближе, отчётливее, словно за самой спиной, так, что волоски на затылке встали дыбом. Я резко повернулся, почти теряя равновесие, и снова увидел только пустоту. Сердце забилося быстрее, толчками отдаваясь в висках, а в груди появилось неприятное, колющее чувство тревоги.

Я увидел тень. Тонкую, размытую, едва уловимую, будто сотканную из самого воздуха и пыли. Она стояла в нескольких метрах от меня, неподвижная, но в то же время живая, как будто дышала. Потом появилась вторая тень, чуть дальше, затем третья, и они начали множиться, заполняя пространство вокруг, как капли чернил в воде. Они были похожи на людей — в них угадывались очертания фигур, намёки на плечи, головы, руки, — и одновременно не были людьми, потому что в них не было плотности, вещественности, они скользили по границе зрения, ускользая от прямого взгляда.

Их лица постоянно менялись, перетекая из одного выражения в другое, как в кошмарном калейдоскопе: то в них мелькала насмешка, то жалость, то холодное безразличие.

— Где твоя семья?

— Где твой дом?

— Где твоя машина?

— Где твои друзья?

— Где твой успех?

Голоса звучали со всех сторон, перекрывая друг друга, сливаясь в единый гул, который проникал под кожу, в самую глубь сознания. Я попытался закрыть уши, прижать ладони к вискам, чтобы заглушить этот хор, но слова продолжали звучать, будто рождались не снаружи, а внутри головы.

— Ты проиграл.

— Ты опоздал.

— Ты никому не нужен.

— Все уже давно живут лучше тебя.

— Посмотри на себя.

— Неудачник.

Слова били точно в цель, в самые уязвимые места, в те уголки души, которые я старался не трогать, не тревожить, чтобы не чувствовать боли. Я зажмурился, до белых пятен перед глазами, до ощущения, что мир сжимается в одну чёрную точку. Нет. Этого не может быть. Это просто усталость. Просто нервы. Просто жара, которая плавит не только асфальт, но и разум.

Но когда я открыл глаза, существ стало больше. Они окру-

жали меня со всех сторон, плотным кольцом, которое сжималось всё сильнее. Сотни бледных лиц, сотни ухмылок, сотни глаз, устремлённых прямо на меня, будто я был единственным объектом их внимания, их насмешек, их презрения. И все смотрели только на меня, не моргая, не отводя взгляда, как будто хотели проникнуть внутрь, увидеть все мои страхи и слабости.

— Неудачник...

— Неудачник...

— Неудачник...

Что-то внутри меня оборвалось, лопнуло, как перетянутая струна, и на смену страху пришла ярость — горячая, обжигающая, сметающая все доводы разума. Я закричал, звук вырвался из груди, грубый и хриплый, разрывая тишину, которая вдруг стала оглушительной. Схватил лопату, чувствуя, как дерево врезается в ладони, как металл холодит пальцы, и ударил. Раз. Другой. Третий. Лезвие рассекало воздух с резким свистом, встречая лишь пустоту, но я не видел пустоты — я видел тени, слышал голоса, чувствовал их присутствие, их давление, их насмешки.

Я бил по теням. По голосам. По насмешкам. По собственным страхам, которые обрели форму и теперь стояли передо мной, издеваясь и торжествуя.

— Убирайтесь! Убирайтесь от меня!

Я снова ударил, и снова, и снова, вкладывая в каждый удар всю накопившуюся боль, всю усталость, всю горечь поражений, всю обиду на несправедливость мира. Кто-то закричал — возможно, это был я, а возможно, кто-то из рабочих, кто наконец заметил, что со мной происходит неладное. Кто-то побежал, метнулся в сторону, будто пытаюсь уйти от опасности, которая стала слишком реальной.

Я уже ничего не понимал. Перед глазами мелькали лица, искажённые, размытые, перетекающие друг в друга, как в дурном сне. Слышался смех — звонкий, издевательский, проникающий в самое нутро. Голоса становились громче, сливаясь в один оглушающий гул, который заполнял всё пространство, вытесняя остальные звуки.

А потом появились люди. Настоящие люди, плотные, реальные, с живыми лицами и настоящими телами. Несколько мужчин навалились на меня одновременно, тяжёлые, сильные, их руки сомкнулись на моих плечах, на груди, на руках, лишая возможности двигаться. Лопата выпала из рук, глухо ударившись о землю, и покатилась в сторону, теряя своё значение, свою силу. Меня повалили на землю, жёстко, без церемоний, и я сопротивлялся, дёргался, пытался вырвать-

ся, кричал что-то бессвязное, но силы быстро закончились, растворяясь в панике и усталости.

Последнее, что я увидел перед тем, как меня погрузили в машину скорой помощи, были фигуры демонов. Они стояли в стороне, чуть в тени, будто не хотели привлекать к себе лишнего внимания, но их присутствие ощущалось остро, почти физически. Они смотрели на меня и улыбались — не широко, не радостно, а так, будто знали что-то, чего не знал я, будто вся эта сцена была частью какого-то большего плана, в котором мне отводилась особая, возможно, самая горькая роль. И в их улыбках читалось понимание: они знали, что это только начало.

Белый потолок. Он был таким безупречно ровным, таким стерильно чистым, что казался нереальным, словно нарисованным. Запах лекарств витал в воздухе — резкий, химический, перебивающий все остальные запахи, будто специально созданный для того, чтобы напоминать о болезни, о слабости, о том, что ты находишься там, где решают за тебя. Холодный свет лампы резал глаза, заставляя щуриться, искать хоть какой-то уголок тени. Чьи-то голоса звучали где-то рядом, приглушённые, неразборчивые, они сливались в монотонный гул, не несущий смысла.

Я попытался подняться, но тело не слушалось, будто ста-

ло чужим, тяжёлым, неповоротливым. Руки были тяжёлыми, словно налитыми свинцом, каждое движение давалось с огромным трудом, а мышцы протестовали, напоминая о недавней буре. Тело не слушалось, оно будто отключилось, оставив только сознание, острое и беспокойное, которое металось в поисках ответов.

Надо мной склонился человек в белом халате — лицо его было спокойным, собранным, в нём не было ни страха, ни осуждения, только профессиональная сосредоточенность. Я хотел что-то сказать, спросить, потребовать объяснений, но язык словно онемел, прилип к нёбу, отказываясь подчиняться.

— Спокойно, — произнёс незнакомец, голос его был ровным, уверенным, в нём слышалась привычка успокаивать встревоженных людей. — Всё будет хорошо.

Я почувствовал укол — резкий, короткий, почти незаметный на фоне всего остального хаоса. Холод медленно разлился по венам, растекаясь, как ледяная вода, заполняя каждую клетку, остужая жар, который, казалось, сжигал меня изнутри. Мир начал расплываться: чёткие линии теряли очертания, белый потолок слился с холодным светом, голоса стали тише, отдаваясь, будто уходили в другой конец длинного коридора. Лампы исчезли. Голоса исчезли. Осталась толь-

ко темнота — плотная, мягкая, обволакивающая, которая не пугала, а скорее предлагала передышку.

Наступила темнота.

И именно тогда всё только началось.

Глава 2. Кактус с душой ромашки

Когда я открыл глаза, психиатрической палаты уже не было.

Не было белых стен, выкрашенных той самой унылой краской, от которой через неделю начинает рябить в глазах.

Не было запаха лекарств — этого едкого, въедливого аромата, который, казалось, пропитывал не только одежду, но и саму кожу, и даже мысли.

Не было врачей с их дежурными, ничего не значащими улыбками и вопросами, на которые у меня не находилось ответов.

Передо мной было другое небо.

Яркое южное небо конца августа — такое, что от его синевы поначалу даже больно смотреть. Солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая улицы станицы в золотистый цвет, будто кто-то щедро плеснул на крыши и заборы расплавленного мёда. Тёплый воздух, пахнувший сухой травой, дымом из печных труб и чуть-чуть — спелыми яблоками, проникал в лёгкие и словно смывал с души слой той стерильной, больничной серости.

Так я оказался в Молве.

Странном месте, где люди знали о чужой жизни больше, чем о своей собственной. Где слухи разносились быстрее ветра: стоило кому-то купить новые сапоги, как к обеду об этом знала вся станица, а к ужину уже обсуждали, на какие деньги они куплены и не слишком ли высокий у них каблук для местных дорог. Где каждая новость успевала обрасти десятком новых подробностей ещё до наступления вечера, и в итоге от изначальной правды не оставалось почти ничего — только красивый, витиеватый узор из домыслов.

Впрочем, тогда я ещё не понимал, насколько необычным окажется это место. Да и не до этого мне было. Мысли путались, цеплялись за какие-то мелкие, ненужные детали: за трещину на асфальте, за облупившуюся краску на калитке, за воробья, который деловито прыгал по пыльной дороге. Мне казалось, что если я буду слишком много думать о том, откуда я пришёл и что со мной было, то этот тёплый, живой мир вокруг снова растворится, и я опять окажусь в той палате, среди белых стен и чужих вопросов.

К тому времени я уже был знаком с Жанной. Хотя слово «знаком» не совсем подходило.

Жанна была из тех людей, которые появляются в жизни

внезапно и начинают вести себя так, будто знают тебя много лет. Она не спрашивала, как я себя чувствую, не ходила вокруг да около, не подбирала осторожных слов. Вместо этого она сразу тащила меня пить чай, заставляла пробовать пирог («Да не смотри ты на него так, будто он меня укусить может — обычный пирог с вишней!») и постоянно пыталась кого-нибудь со мной познакомить. То одну девушку, то другую, то сестру подруги, то знакомую знакомой — список потенциальных невест, казалось, у неё был заготовлен на несколько лет вперёд. Словно она поставила перед собой цель обязательно устроить мою личную жизнь, и никакие мои отговорки не могли её остановить.

Я не понимал зачем. Да и, честно говоря, не особо верил в успех подобных затей. Особенно после последних лет своей жизни, когда всё, к чему я прикасался, будто рассыпалось в руках, а люди, которым я доверял, находили тысячу причин, чтобы не держать слово. Поэтому, когда вечером двадцать седьмого августа к Жанне пришла её кума Анастасия, я не придавал этому особого значения. Я сидел на крыльце, смотрел, как солнце садится за крыши домов, и думал, что мне сейчас хочется только тишины и чтобы никто не пытался меня ни с кем сводить.

Но именно с этого вечера всё изменилось.

Мы сидели во дворе. Деревянные доски крыльца ещё хранили дневное тепло, но воздух уже начал остывать после жары, и от земли поднимался лёгкий, чуть влажный запах — так пахнет станица вечером, когда дневная пыль оседает, а трава раскрывает свои запахи. Где-то лаяли собаки, споря друг с другом о чём-то своём, собачьем. Из соседнего двора доносилась старая рок-песня — её, наверное, слушали ещё в девяностых, но она всё ещё цепляла за что-то внутри, будоражила. Кто-то смеялся за забором, и этот смех звучал так искренне, так по-домашнему, что на секунду мне даже стало немного завидно этой чужой, беззаботной радости.

Обычный вечер в Молве — такой, каких здесь сотни. Но в тот момент он казался мне чем-то особенным, будто весь мир замер на краю какого-то важного поворота.

Анастасия поставила кружку на стол, и звук фарфора о дерево прозвучал неожиданно громко, словно обозначил начало чего-то нового. Она посмотрела сначала на Жанну, потом на меня, и на её лице появилась эта её загадочная улыбка — та самая, в которой смешивались хитринка, лёгкая ирония и что-то ещё, тёплое и по-своему заботливое.

— Слушай, Жанна, а у меня есть одна подруга, — сказала она, и я внутренне сжался, уже догадываясь, к чему идёт разговор.

Жанна расплылась в улыбке, будто только этого и ждала:

— Ну началось...

— Нет, правда, хорошая девушка, — настаивала Анастасия, и в её голосе было что-то такое, что заставляло прислушаться. Не просто очередная попытка свести кого-то, а искреннее желание помочь.

— Все вы так говорите, — усмехнулся я, стараясь, чтобы эта усмешка звучала легко, без горечи. — А потом оказывается, что девушка либо замужем, либо с тараканами размером с овчарку.

Женщины рассмеялись — и этот смех, тёплый и немного заговорщицкий, на секунду прогнал ту тень, которая всегда висела надо мной, когда речь заходила о знакомствах и отношениях.

— Эта не такая, — сказала Анастасия, и улыбка её стала серьезнее, будто она хотела, чтобы я ей поверил. — Недавно развелась. Есть ребёнок. Дочка. Но девушка очень хорошая.

Я пожал плечами, пытаюсь сохранить равнодушие, хотя где-то внутри что-то всё-таки шевельнулось:

— Тогда почему развелась?

Улыбка Анастасии исчезла, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление:

— Муж ушёл к любовнице.

На несколько секунд повисла тишина. Не неловкая, не давящая, а какая-то тяжёлая, наполненная чужим, но понятным горем. Даже воздух во дворе будто стал плотнее, и звуки станицы — лай собак, далёкий смех, скрип калитки — отошли на задний план.

— Понятно, — ответил я, и почему-то больше ничего спрашивать не стал. Не хотелось копаться в чужой боли, да и своих воспоминаний хватало с лихвой.

Через некоторое время появилась она.

Высокая, стройная, темноволосая — она шла по улице так, будто не замечала ни пыли, ни неровностей дороги, ни взглядов, которые невольно провожали её. Она вошла во двор уверенной походкой, словно совершенно не волновалась, словно такие посиделки были для неё обычным делом, а не чем-то, что заставляет сердце биться чаще.

Первое впечатление оказалось далеко не самым приятным. Холодный взгляд, будто она заранее решила, что ничего хорошего от этого вечера не ждёт. Сдержанное лицо, на котором не было ни намёка на улыбку, ни желания понравиться. Никакой попытки произвести впечатление — только эта непроницаемая маска, за которой, казалось, не было ничего, кроме усталости и какой-то глухой обиды на весь мир.

Я посмотрел на неё и мысленно усмехнулся: «Ну и характер...» Если честно, тогда она показалась мне настоящей стервой. Или, как минимум, человеком, который смотрит на окружающих сверху вниз, будто заранее знает, что все они разочаруют.

Она села за стол, поздоровалась — коротко, вежливо, без лишних эмоций. И разговор начался. Сначала всё было натянуто, как струна, готовая вот-вот лопнуть. Обычные вопросы, обычные ответы, за которыми не было ничего настоящего: кто ты, чем занимаешься, откуда приехал, как оказался в Молве... Слова падали в тишину, как камни в воду, поднимая лишь мелкие круги, которые тут же исчезали.

Но постепенно что-то изменилось. Не сразу, не резко, а так тихо и незаметно, что я даже не понял, в какой именно момент это произошло. Час за часом её маска начинала трес-

каться, и сквозь эти тонкие, едва заметные трещины проглядывало что-то живое, настоящее.

Я замечал детали. То, как менялся её голос, когда речь заходила о дочери: он становился мягче, теплее, в нём появлялась эта особенная, материнская интонация, которую невозможно подделать. То, как она старалась скрывать грусть за сарказмом, будто если она пошутит над своей болью, та станет не такой острой. То, как иногда она отводила взгляд, будто боялась показать настоящие эмоции, боялась, что если кто-то увидит, как ей на самом деле тяжело, то эта хрупкая броня, которую она так старательно выстраивала, рассыплется окончательно.

И чем больше мы разговаривали, тем меньше она походила на ту женщину, которую я увидел в начале вечера. За колючками пряталось что-то совсем другое. Что-то живое. Что-то очень ранимое.

В какой-то момент я поймал себя на мысли, что внимательно слушаю каждое её слово, не потому что так надо, не из вежливости, а потому что мне действительно было интересно. Интересно узнавать, что скрывается за этой холодной внешностью, какие истории живут в её глазах, о чём она думает, когда никто не смотрит.

А потом в голове неожиданно возникло сравнение. Настолько точное, что я едва не улыбнулся вслух: «Кактус с душой ромашки...» Снаружи колючки, чтобы никто не подошёл слишком близко и не сделал больно. Снаружи гордость, которая на самом деле была просто щитом. Снаружи сила, за которой пряталась усталость от того, что слишком часто приходилось быть сильной. А внутри — нежность, которую она боялась показать. Внутри — боль, которую она старалась не замечать. Внутри — человек, который просто устал получать удары от жизни и теперь не верил, что впереди может быть что-то хорошее.

И почему-то именно это показалось мне красивым. Не идеальная, глянцевая красота, а настоящая, живая, с трещинами и шрамами, но оттого ещё более ценная.

Время пролетело незаметно. Небо окончательно потемнело, и звёзды высыпали на нём, как рассыпанные по чёрному бархату серебряные монеты. Разговоры стали тише, слова уже не требовали громких интонаций, потому что мы и так понимали друг друга. Летний вечер постепенно превращался в ночь, и станица затихала, укутываясь в прохладу и тишину.

Когда пришло время расходиться, мы вышли за калитку вместе. На улице было тихо, только фонари отбрасывали на

пустую дорогу неровные жёлтые пятна света, а где-то вдалеке всё ещё слышался чей-то приглушённый голос и тихий смех. Мы остановились. Никто не хотел первым заканчивать этот вечер, будто если мы попрощаемся прямо сейчас, то всё волшебство, которое витало в воздухе, исчезнет, растворится в ночной тишине.

Несколько секунд прошли в молчании. Не в неловком, а в таком, когда слова кажутся лишними, потому что тишина говорит больше любых фраз. Потом она сделала шаг ближе. Не резко, не порывисто, а так осторожно, будто проверяла, позволю ли я ей подойти.

А я вдруг понял, что улыбаюсь. Совершенно искренне. Без напряжения. Без попыток произвести впечатление. Просто потому, что рядом с ней мне было спокойно. Удивительно, необъяснимо спокойно — так спокойно, как давно уже не бывало.

Неожиданно спокойно.

Мы обнялись. Без страсти, без громких признаний, без обещаний, которые так легко даются вечером и так быстро забываются утром. Просто два человека, которым почему-то не хотелось отпускать друг друга. Всего несколько секунд, но в тот момент мне показалось, будто я знаю её уже много лет,

будто мы прошли вместе через что-то важное, и теперь эта тишина между нами была наполнена общим пониманием.

Потом она улыбнулась. Впервые за весь вечер. Настоящей улыбкой — не той, что надевают, как маску, чтобы скрыть усталость, а той, что идёт изнутри, из самого сердца. В этой улыбке было столько света, столько тепла, что на мгновение даже звёзды показались менее яркими.

Она ушла, а я ещё долго стоял посреди пустой улицы и смотрел ей вслед, пока её силуэт не растворился в темноте, слившись с ночной тишиной. Фонари по-прежнему отбрасывали жёлтые пятна на дорогу, где-то далеко лаяла собака, и воздух был наполнен запахом ночи — прохладным, свежим, обещающим что-то новое.

Тогда я ещё не знал, что именно этот вечер разделит мою жизнь на «до» и «после». И уж тем более не знал, сколько боли принесёт мне эта встреча, сколько раз мне придётся выбирать между желанием защитить её и страхом снова потерять что-то дорогое.

В ту ночь я засыпал счастливым. Наверное, слишком счастливым. Потому что самые красивые иллюзии всегда начинаются именно так — с одного тихого вечера, с одной настоящей улыбки, с одного мгновения, когда кажется, что

впереди только свет и тепло.

Глава 3. Судьба или совпадение

На следующее утро я проснулся раньше обычного — буквально за несколько минут до того, как первые лучи солнца пробрались сквозь щель в занавесках. Впервые за долгое время мне не хотелось лежать в кровати и смотреть в потолок, выискивая в узорах штукатурки ответы на вопросы, которые уже давно перестали иметь смысл. Наоборот — внутри будто щёлкнул какой-то невидимый тумблер. Хотелось действовать. Хотелось увидеть её снова.

Удивительно, как один вечер может изменить настроение человека, перевернуть привычную картину мира. Ещё вчера мне казалось, что жизнь окончательно зашла в тупик: все дороги упирались в глухие стены, а каждый новый день приносил лишь подтверждение тому, что я делаю что-то не так. А сегодня я уже ехал по улицам Молвы с двумя стаканами кофе, и в груди шевелилось что-то похожее на надежду. Смешно. Но именно так всё и было.

Когда я подъехал к дому Жанны, солнце только начинало подниматься над крышами домов, окрашивая черепицу в тёплый медовый цвет. Станица постепенно просыпалась, сбрасывая с себя остатки ночной тишины. Где-то лаяли собаки, привычно и по-домашнему. Кто-то уже работал в огоро-

де — слышно было, как звякает лопата о камень. На лавочке возле соседнего двора сидели две пенсионерки, которые наверняка знали последние новости быстрее местного интернета и уж точно точнее любых соцсетей. Я невольно улыбнулся. Молва оставалась Молвой — маленьким миром, где всё друг про друга знали, где нельзя было пройти по улице, чтобы тебя не окликнули, не спросили, как дела, не предложили стакан компота или совет, даже если ты его не просил.

Валерия встретила меня сонным взглядом. Без косметики. С растрёпанными волосами, будто только что выбралась из-под одеяла и ещё не успела осознать, что день уже начался. И почему-то именно такой она показалась мне ещё красивее — настоящей, без масок и прикрас. В её усталости было что-то обезоруживающее, какая-то искренность, которую редко встретишь в людях, привыкших держать лицо.

Мы выпили кофе и немного поговорили — о пустяках, о погоде, о том, как странно пахнет утром воздух в станице после дождя. А потом я отвёз её к Анастасии. По дороге выяснилось, что она, как и я, была здесь чужой. После развода её жизнь перевернулась, как дом, в который ударила молния: снаружи вроде бы всё на месте, а внутри — сплошные обломки и сквозняки. Она временно жила у подруги, пыталась освоиться в новой обстановке, училась заново делать самые простые вещи: варить кофе, отвечать на вопросы «как

дела?», не вздрагивать от каждого телефонного звонка. Пыталась начать всё сначала.

Я слушал её и ловил себя на мысли, что понимаю каждое слово. Потому что сам совсем недавно оказался в похожей ситуации — только по другим причинам. Мой переезд в Краснодарский край был не бегством, но и не совсем добровольным выбором: скорее, попыткой найти место, где старые ошибки не будут смотреть на меня со всех сторон. Мы оба были новенькими в этой станице. Оба пытались собрать свою жизнь заново, как собирают пазл, у которого половина деталей потеряна. Оба искали место, которое смогли бы назвать домом.

Когда я вернулся к Жанне, она встретила меня своей загадочной улыбкой. Той самой, которая обычно означала, что ей уже известно что-то важное — а может, она просто умела читать людей лучше, чем кто-либо другой.

— Ну что? — спросила она, чуть приподняв бровь.

— Что? — попытался я сделать невинный вид, но вышло неубедительно.

— Не притворяйся, — она покачала головой, будто разговаривала с ребёнком, который прячет за спиной сломанную

игрушку.

Я усмехнулся, чувствуя, как внутри всё сжимается от странного, почти забытого предвкушения.

— Жанна...

Она рассмеялась, и этот смех прозвучал как разрешение на что-то, чего я сам себе не давал.

— Ты ей понравился.

Я замер. Наверное, со стороны это выглядело глупо: взрослый мужчина, тридцать четыре года, с опытом переговоров, с умением держать лицо в любой ситуации — и вдруг застыл, как подросток, которому впервые сказали, что на него кто-то смотрит. Но мне было всё равно.

Потому что эти слова неожиданно согрели душу, как чашка горячего чая в промозглый день. Слишком давно я не слышал ничего подобного. Слишком давно никто не смотрел на меня с интересом, а я сам слишком долго не позволял себе смотреть на кого-то так, как смотрел на Валерию.

После этого всё закрутилось быстро, словно кто-то подтолкнул мир, и он покатился с горы, набирая скорость. По-

что каждый вечер мы виделись. Иногда гуляли по парку, где дорожки были усыпаны сухими листьями даже в конце лета, а скамейки пахли старым деревом и дождём. Иногда просто сидели в машине, слушая, как шумит ветер за окнами, и говорили часами — ни о чём и одновременно обо всём. О детстве, когда мир казался огромным и полным чудес. О семье, о том, как иногда самые близкие люди становятся чужими. О мечтах, которые мы прятали подальше, чтобы не смотреть на них и не чувствовать горечь от того, что они не сбываются. О страхах — тех самых, что живут в темноте и шепчут, что ничего не выйдет. О том, что уже случилось, и о том, чего ещё только ждём от жизни.

Время рядом с ней текло иначе. Тише. Спокойнее. Словно кто-то убавлял громкость окружающего мира, приглушал резкие звуки, убирал лишние помехи. Рядом с Валерией исчезали тревоги, растворялись проблемы, таял шум в голове, который я носил с собой годами, как тяжёлый рюкзак. Даже демоны, которые раньше нашептывали мне на ухо свои ядовитые слова, словно отходили в сторону и замолкали, будто им становилось неуютно в этой тишине. Впервые за долгое время я чувствовал себя не одиноким.

Постепенно я начал замечать одну особенность: рядом со мной Валерия расслаблялась. По-настоящему расслаблялась, так, как люди расслабляются только с теми, кому до-

веряют. Иногда во время разговора она начинала зевать, не стесняясь, прикрывала глаза, будто ей не нужно было держать оборону. Иногда просто молча сидела рядом, глядя в окно, и в этом молчании не было ни неловкости, ни напряжения. Однажды я пошутил, чтобы развеять эту странную, но приятную тишину:

— Я такой скучный?

Она улыбнулась, и в её улыбке было столько тепла, что мне захотелось запомнить этот момент навсегда.

— Нет, — ответила она, чуть помолчав.

— Тогда почему тебя постоянно клонит в сон?

Она задумалась, будто пыталась подобрать правильные слова, чтобы объяснить то, что сложно выразить. А потом ответила неожиданно серьёзно:

— Потому что рядом с тобой спокойно.

Эти слова я запомнил надолго. Потому что и сам чувствовал то же самое. Когда Валерия была рядом, мир становился чуть менее острым, чуть менее беспощадным. Исчезали острые углы, сглаживались резкие линии. Я тоже мог выдохнуть,

опустить плечи, перестать быть тем самым «сильным специалистом», который должен всё контролировать.

Чем больше мы узнавали друг друга, тем чаще я ловил себя на странных мыслях. Словно нашу встречу кто-то заранее спланировал, словно десятки случайностей, разбросанных по разным городам и месяцам, постепенно складывались в одну большую картину, как кусочки мозаики, которые сначала кажутся бессмысленными, а потом вдруг образуют чёткий рисунок. В январе Валерия узнала об измене мужа — в тот же январь я переехал в Краснодарский край, сам не зная толком, что меня там ждёт. Летом она оказалась в Молве. Летом я оказался в Молве. Она пыталась начать новую жизнь. Я пытался начать новую жизнь. И среди миллионов людей, среди тысяч дорог и перекрёстков, именно здесь наши пути пересеклись.

Слишком много совпадений. Слишком много странных пересечений. Слишком много событий, которые будто вели нас друг к другу, подталкивая в спину, когда мы замедлялись, и удерживая от того, чтобы свернуть не туда. Иногда мне казалось, что это судьба — не какая-то мистическая сила, а просто закономерность, рождённая из одинаковых ран и похожих надежд. Иногда — что это просто удача, случайное стечение обстоятельств, которое редко кому выпадает дважды. Но чем больше времени мы проводили вместе, тем

сильнее я верил в первый вариант.

Однажды вечером мы сидели в машине возле парка. За окнами шелестели деревья, будто перешёптывались между собой, обсуждая наши тайны. Вдалеке играла музыка — тихая, едва слышная, как воспоминание о каком-то давнем празднике. В салоне было тепло и тихо, и эта тишина не давила, а обнимала, как старое одеяло.

— О чём ты мечтаешь? — спросил я, глядя не на неё, а вперёд, на тёмную дорогу, которая уходила куда-то в ночь.

Валерия долго молчала. Смотрела куда-то вперёд, будто видела там не деревья и фонари, а что-то своё, недоступное мне. Потом ответила, и голос её прозвучал так тихо, что я едва расслышал:

— О настоящей любви. Не на время. Не на год. Не пока удобно. А на всю жизнь.

Я повернулся к ней. И впервые понял, насколько похожи наши мечты. Потому что всю жизнь искал того же самого. Не идеальную женщину, не красивые картинки из фильмов, не безупречный фасад, за которым прячется пустота. А человека, который останется рядом несмотря ни на что. Того, кому можно будет доверить своё сердце, не боясь, что его

разобьют. Кто не уйдёт. Кто не предаст. Кто станет домом — не адресом на карте, а местом, куда хочется возвращаться, даже если весь мир против.

И тогда мне показалось, что, возможно, после всех ошибок, поражений и испытаний судьба наконец-то решила дать мне шанс. Что все эти годы были лишь подготовкой к этой встрече, к этому тихому вечеру в машине, к этим словам, которые прозвучали как признание не только её, но и моих собственных желаний.

Я ещё не знал, что самые опасные иллюзии всегда выглядят как исполнение самой заветной мечты. И что иногда самое светлое чувство может скрывать в себе тень, которую мы не замечаем, пока не становится слишком поздно.

Глава 4. Цена человека

Осень в Молве наступала незаметно, будто кралась по улочкам на цыпочках, стараясь не спугнуть последние тёплые дни. Днём солнце всё ещё грело по-летнему, щедро заливая светом дворы и палисадники, но вечерами воздух становился прохладнее — в нём уже чувствовалось дыхание приближающейся зимы. Листья на деревьях начинали желтеть, постепенно теряя яркую летнюю зелень, а в парке появлялось всё больше пустых лавочек: люди всё реже задерживались на улице после заката, торопясь укрыться в тепле домов.

Именно в один из таких вечеров Валерия рассказала мне кое-что, что заставило меня сначала рассмеяться, а потом серьёзно задуматься. Мы сидели в парке на нашей любимой скамейке — той самой, чуть покосившейся, с облупившейся краской, которую почему-то никто не спешил чинить. Вокруг пахло опавшей листвой и остывающим асфальтом, а над крышами домов медленно плыли тяжёлые, налитые свинцом облака.

Как обычно, мы разговаривали обо всём подряд: вспоминали детство, спорили о том, какой кофе лучше — с молоком или без, смеялись над нелепыми слухами, которые в Молве

разносились быстрее ветра. В какой-то момент она посмотрела на меня с лёгкой улыбкой и спросила:

— А ты давно юристом работаешь?

Я удивлённо повернулся к ней, даже чуть наклонил голову, будто не расслышал.

— Каким ещё юристом?

— Ну... мне говорили, что у тебя юридическое образование.

Я невольно рассмеялся — громко, искренне, так, что несколько прохожих обернулись. Смех прозвучал немного нервно, потому что в нём пряталась привычная усталость от бесконечных молвских легенд, которые обрастали новыми деталями каждый день.

— Кто тебе такое рассказал?

Она назвала несколько имён, и я только покачал головой. Молва оставалась верна себе: здесь человек мог проснуться строителем, а к вечеру стать миллионером, адвокатом и владельцем нефтяной компании одновременно. Слухи тут жили своей жизнью, мало интересуясь реальностью.

— Нет, Валерия, — улыбнулся я, стараясь не выдать, как меня это всё порядком утомило. — У меня строительное образование.

Она удивлённо подняла брови, будто услышала что-то невероятное.

— Правда?

— Правда.

Я немного помолчал, глядя, как ветер гонит по дорожке сухие листья. В тот момент мне вдруг захотелось сбросить с себя все маски, которые я носил столько месяцев, пытаюсь казаться сильнее, увереннее, успешнее. Хотелось просто быть собой.

Потом решил рассказать всё как есть. Без прикрас. Без попыток выглядеть лучше.

— С четырнадцати лет работал на стройках. Сначала разнорабочим: таскал мешки, замешивал раствор, убирал мусор. Потом понемногу начал вникать в дело, учился у старших ребят, смотрел, как работают мастера. Позже ушёл в продажи недвижимости. Там и остался.

Она внимательно слушала, не перебивая, не задавая лишних вопросов. Её взгляд был спокойным, без осуждения и любопытства, которое иногда ранит сильнее слов.

Тогда я решил идти до конца.

— И ещё кое-что.

— Что?

— Я далеко не богатый человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.